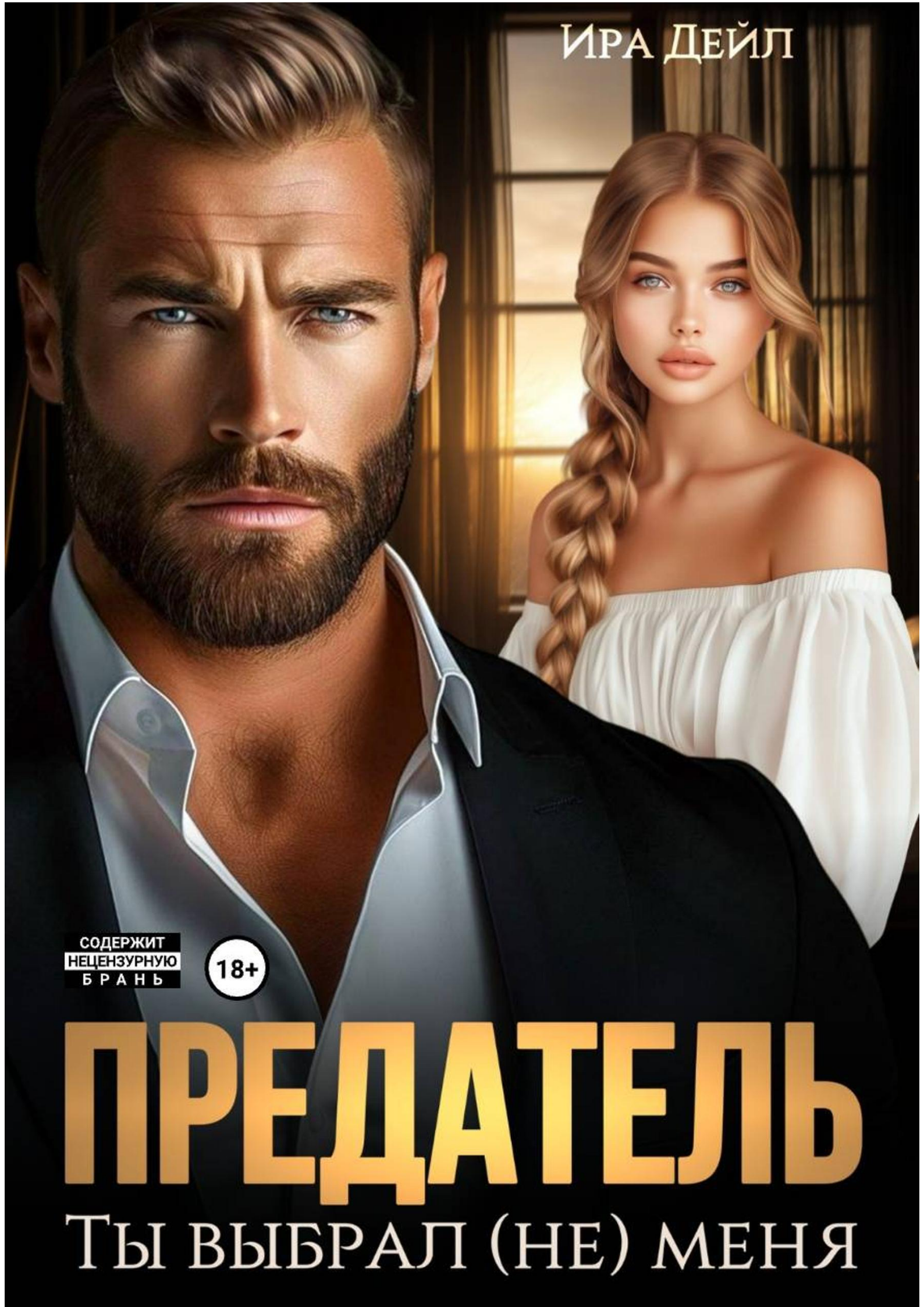

Ира Дейл
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+
ПРЕДАТЕЛЬ
Ты выбрал (не) меня

Ира Дейл

Предатель. Ты выбрал (не) меня

«Автор»
2026

Дейл И.

Предатель. Ты выбрал (не) меня / И. Дейл — «Автор», 2026

— Хватит истерить! — Дан несильно меня встряхивает. Замираю.— Почему? Скажи, почему? Чего тебе не хватало?! — голос дрожит из-за непрекращающихся рыданий.Муж на мгновение прикрывает глаза, после чего смотрит на меня нечитаемым взглядом. — Всего мне хватало, — цедит он, сквозь стиснутые зубы. — Я сделал это ради нас!Раскрываю рот. Челюсть едва не падает на пол. Что? Я не ослышалась? Ради нас?— Ради нас ты переспал с девушкой, которая носит нашего ребенка?Муж даже оправдываться не стал, попытался силой удержать меня рядом с собой. Вот только забыл, что я тоже не так проста — выберусь из любой клетки, в которую меня попытаются запихнуть. Я ему много раз говорила, что он всегда должен выбирать меня. Дан же решил пойти налево, теперь пусть и несет ответственность за свой поступок.

© Дейл И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 11
Глава 4 14
Глава 5 16
Глава 6 18
Глава 7 21
Глава 8 23
Глава 9 25
Глава 10 27
Глава 11 29
Глава 12 32
Глава 13 34
Глава 14 36
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Ира Дейл
Предатель. Ты выбрал (не) меня

Глава 1

Крупные слезы катятся по щекам. Как бы я ни пыталась их остановить, у меня ничего не получается. Такое чувство, что из груди с особой жестокостью выдрали сердце. Вот как так? Как?!

Мне же было плохо последние несколько дней. Голова кружилась. Мутило. Плюс задержка… И ничего?!

Конечно, возможно, все дело в стрессе. Все-таки его в моей жизни в последние дни достаточно. Вдобавок, Дан настоял на том, чтобы мы «рассмотрели другие варианты»…

Остервенело отбрасываю тест на беременность с одной полоской в сторону. Не смотрю на него, но все равно краем глаза замечаю, как он ударяется об дверцу машины и падает на соседнее сидение… «окошком вверх». Показывает злосчастную полоску, словно намеренно издевается надо мной.

Секунду сижу, замерев, а в следующую — обессиленная утыкаюсь лбом в руки, лежащие на руле. Светлые длинные волосы будто вуалью закрывают лицо. Такое чувство, что пытаются защитить меня от внешнего мира, скрыть слезы, которые текут по щекам все сильнее и сильнее. Всхлипы один за другим срываются с моих губ, крупная дрожь раз за разом охватывает никчемное тело.

Пять лет… пять долбаных лет ничего не получается. Врачи не находят никаких аномалий. Говорят, что со мной все в порядке. Но мой организм словно отказывается беременеть от мужа. А Дан… Он устал ждать.

Я думала, что сегодня Вселенная сжалилась надо мной, дала мне шанс самостоятельно выносить своего же ребенка. С утра на работе сделала тест, но потом круговорот дел закрутил меня. Я засунула тест в сумку и так сильно замоталась, что только подъехав к дому вспомнила о нем. Дрожащими пальцами достала и получила очередной удар.

Видимо, давным-давно отвернувшаяся от меня удача решила, что я до сих пор недостойна ее внимания. Ну что ж… надежды у меня больше нет. Хорошо, что «вариант» мужа остался.

Судорожно вдыхаю, кусаю нижнюю губу и выпрямляюсь.

Какой смысл сожалеть? Все равно ничего уже не исправишь. Я… бракованная, и пора с этим смириться. Стираю слезы со щек, заглядываю в зеркало заднего вида. Следов от туши вроде бы нет … хорошая попалась. Вот только от печали, засевшей в глубине светло-серых глаз, никуда не деться. Она в последнее время стала моей постоянной спутницей.

Стоит мне подумать о причине грусти, в голове тут же всплывает воспоминание…

— Не переживай ты так, будут у нас дети, — Дан подходит ко мне, обнимает сзади. Щетина на его лице покалывает нежную кожу моей шеи.

Встречаюсь в круглом зеркале, висящем над раковиной в ванной комнате, с голубыми глазами мужа. Настолько яркими, что я их прекрасно вижу, даже несмотря на слезы, стоящие в моих глазах.

Очередной тест на беременность с одной полоской валяется в раковине передо мной. Упираюсь ладонями в деревянную столешницу, чтобы хоть как-то устоять на ногах. Мышцы словно ватными стали, тело отказывается слушаться. Краем глаза цепляюсь за свое отражение. Светлые волосы взлохмачены после сна. Серая шелковая ночнушка только подстраивает бледность моей кожи. Выгляжу, как призрак, который находится между сном и явью.

— Я не уверена, что смогу справиться с очередной неудачной попыткой, — голос скрипит из-за сдерживаемых рыданий. — Я не смогу, Дан. Не смогу, — выдыхаю и всхлипываю.

Муж всего секунду не двигается, а в следующую резко отстраняется, разворачивает меня к себе, вдавливает в крепкую грудь, обнимает своими необъятными руками… защищает, поддерживает.

Рыдания вырываются из груди, слезы льются нескончаемым потоком. Только благодаря тому, что муж держит меня крепко-крепко, я не плюхаюсь на пол, не подтягиваю колени к груди и не бьюсь в истерике. Только благодаря поддержке Дана удается кое-как обуздать эмоции и провалиться в очередную темную яму, в которой нет ни счастья, ни надежды, ни любви.

— Давай возьмем малыша из детского дома, — заглядываю мужу в глаза, немного отстранившись. — У меня на работе так много брошенных детей. Может, один из них наш?

Сердце щемит от страданий, когда я вспоминаю, сколько «сломанных» судеб приходится видеть каждый день. Но я сама выбрала для себя эту работу, ведь лучше всех знаю, через что приходится проходить бедным детям, поэтому ни о чем не жалею. Только надеюсь, что смогу подарить им столько любви, сколько смогу. А если получится хоть кому-то подарить путевку в жизнь, то это точно будет победа.

— Нет! — отрезает муж, отпускает меня, отворачивается.

Хорошо, что сзади находится столешница, на которую мне удается опереться, иначе я бы точно плюхнулась мягким местом на холодную белую плитку.

— П…почему? — едва удается выдавить из себя, настолько я шокирована реакцией Дана.

Даже со спины, обтянутой белой футболкой, вижу, настолько сильно напряжен муж. Его плечи расправлены, мышцы бугрятся под тонкой тканью, кулаки сильно сжаты.

Вот только не проходит и секунды, как Дан проводит пальцами по русым волосам, словно расчесывает их, шумно выдыхает, намеренно расслабляется, после чего снова поворачивается ко мне.

— У нас будут свои дети! — чеканит, глядя мне прямо в глаза. — Вот что я предлагаю…

Это было три месяца назад. С тех пор многое изменилось. До такой степени, что теперь у нас дома живет совершенно чужой человек. Скриплю зубами, стоит только вспомнить об этом. Вот только другого выбора у меня… у нас в любом случае нет.

Бросаю взгляд на тест, лежащий на соседнем сидении. Теперь уже точно нет. Хотя его и не было. О чем это я?

Встряхиваю головой, из-за чего волосы еще больше взлохмачиваются. Плевать. Вообще, на все плевать, на мой внешний вид тем более.

Внутри царит пустота. Такое чувство, что из меня выжали все соки, вытянули все эмоции. Оставив только дыру в сердце. Мой мир в очередной раз разрушился на части. Чувствую себя… никчемной. Единственное, чего мне сейчас хочется — это лечь на кровать в темной комнате и смотреть в потолок.

А почему собственно я не могу исполнить свое желание?

Достаю из самых глубин остатки сил, вытаскиваю ключ из замка зажигания и открываю дверцу машины.

Прохладный ветер сразу же ныряет под открытые полы бежевого пальто, забирается под тонкую ткань кремового цвета платья до колена. Но я не обращаю ни на что внимания. В любом случае, ничего не чувствую.

Плетусь к дому, захожу в подъезд. В просторном холле с растениями в каждом углу на автомате здороваюсь с консьержкой и прохожу мимо, чем, наверное, очень сильно удивляю Нину Павловну. Обычно я как минимум спрашиваю, как у нее дела. Интересуюсь здоровьем

внучки, которая оказалась очень болезненной девочкой. Но сегодня мне не до этого. Я едва держусь на ногах. Мне и так предстоит сегодня не самая приятная встреча и, скорее всего, обмен любезностями. Не хочу тратить энергию, которой и так у меня нет. Поднимаюсь по ступенькам к четырем лифтам, расположенным по два друг напротив друга. Нажимаю на кнопку между ними — створки дальнего тут же разъезжаются.

Не чувствуя ног, захожу в кабину. Сразу же отворачиваюсь от выглядящей безжизненной девушки, с которой встречаюсь взглядами в отражении. Нажимаю на кнопку двадцать пятого этажа, опираюсь на дальнюю стенку, хватаюсь за поручень и… жду.

Не знаю, сколько проходит времени, прежде чем створки снова разъезжаются. Не запоминаю подъем. Вот только когда вижу дверь нашей с мужем квартиры, осознаю, что не хочу выходить из кабины.

Не хочу встречаться с зелеными, слишком невинными глазами.

Не хочу вести бессмысленный разговор.

Не хочу чувствовать себя неполноценной рядом с другой женщиной, у которой нет никаких проблем.

Все чувства, которые, казалось, покинули мое тело, вновь обрушиваются на меня с невероятной силой. Колени подгибаются, рана в груди начинает сильнее кровоточить. Приходится сильнее вцепиться в поручень, иначе точно бы оказалась на грязном полу.

Домой идти совсем не хочется, но разве у меня есть выбор? Не оставаться же в лифте?

Блин, это так глупо. Почему я должна бояться идти к себе же домой? И тем более не должна чувствовать себя чужой!

Прикрываю глаза, делаю пару глубоких вдохов и медленных выдохов, отталкиваюсь от стены и выхожу на узкую лестничную площадку, только с двумя квартирами с дверями в конце коридора, расположенными друг напротив друга. Створки тут же закрываются за моей спиной, лифт с приглушенным шуршанием уезжает, не оставляя мне другого выбора кроме как идти домой.

Пару секунд переминаюсь с ноги на ногу, после чего стискиваю зубы и, не чувствуя ног, направляюсь к черной железной двери справа. Достаю ключи из кармана пальто, нахожу нужный, засовываю в замочную скважину, неслышно поворачиваю.

Вот только стоит мне обхватить прохладную ручку, как внутри все скручивает в тугую пружину. Мышцы сводят, тело отказывается слушаться. В животе начинает копошиться червячок плохого предчувствия. Мозг заполняет тревога, а по коже бегут мурашки.

Не знаю, откуда берется такая реакция. Она кажется… чрезмерной. Ведь я ничего странного не слышу и не вижу. Никого рядом тоже нет. Тогда почему я начала так сильно переживать?

Хмурюсь, не находя объяснения своему состоянию и все-таки нажимаю на ручку. Открываю дверь и… никого не вижу.

Секунду стою, не двигаясь, после чего переступаю порог, заходя в светлый холл, который переходит в длинный коридор, ведущий на кухню, в гостиную и несколько спален.

Аккуратно прикрываю за собой дверь. Вот только даже сдвинуться с места не успеваю, не говоря уже о том, чтобы сбросить туфли на каблуке и снять пальто, как до меня доносится приглушенный стон.

Желудок ухает вниз. Дыхание застревает в груди. Сердце разгоняется до бешеного ритма.

Застываю.

Может… мне показалось?

Да, скорее всего, показалось.

Заставляю себя сначала выдохнуть, а потом набрать в легкие побольше воздуха. Медленно разворачиваюсь.

Стон, на этот раз прозвучавший намного громче, заставляет меня вздрогнуть.

Тело пронзает вспышка боли.

Нет… не может этого быть… просто не может…

Это же не Дан? Господи, лишь бы не он!

Стоп!

Почему я сразу подумала на мужа? У нас же в квартире живет чужой человек! Возмущение вмиг разливается по венам. Если эта дрянь, в ее-то положении, кого-то притащила к нам домой, я ее прикончу. Не разуваясь, срываюсь с места. Пролетаю мимо гардеробной для хранения верхней одежды. По пути заглядываю на отделанную деревом кухню, никого не нахожу. Лишь цепляюсь взглядом за две белые чашки из-под кофе, стоящие на столе. Краем глаза замечаю, что одна полная, но тут же забываю о ней, когда до меня доносится еще один стон, а за ним следует рык:

— Молчи!

Холодный пот выступает на позвоночнике, ведь я узнаю голос… узнаю.

Тело немеет, ноги подкашиваются. Чувствую, что начинаю оседать. Едва успеваю упереться рукой стену, переношу на нее свой вес.

Нет. Мне показалось… показалось…

Не чувствуя тела, кое-как переставляю ноги. Бреду к гостиной, откуда доносятся хлопки, тяжелое дыхание, стоны.

Замираю у прохода. Остается сделать последний шаг… последний, и я смогу увидеть, что происходит в светлой просторной комнате с большими окнами. Убедиться, права я или же все-таки ошибаюсь. Спираль внутри все сильнее закручивается. Желудок болезненно сжимается. Дыхание спирает. Только сердце как стучало с невероятной скоростью, так и стучит.

Понимаю, что если не сделаю последний шаг, то пожалею. Буду мучиться в неизвестности и ни за что себя не прощу. Поэтому отталкиваюсь от стены, впиваюсь ногтями в ладони, прикусываю язык до металлического привкуса во рту и…шагаю.

Поворачиваюсь в сторону гостиной. Застываю, не в силах пошевелиться.

Если я раньше думала, что уже ощущала самую сильную в мире боль, раз за разом испытывая неудачи с зачатием, то очень ошибалась. Сейчас же в теле разрастается настоящая агония. Ведь я смотрю на то, как муж трахает на диване не просто другую женщину, а суррогатную мать, беременную нашим будущим ребенком.

Глава 2

Дан стоит ко мне спиной. Он полностью одет. Белая рубашка натягивается на его мощных плечах. Черные брюки облепляют движущиеся туда-обратно бедра. Перед ним на подлокотнике кремового цвета дивана лицом вниз завалена брюнетка. Ее черные, как смоль, волосы свисают с сидушки, почти касаются пола. Розовое платье девушки задрано почти по пояс. Трусики спущены до щиколоток.

Я очень рада, что не вижу ее искаженное удовольствием лицо. Иначе не выдержала бы. Мне уже достаточно той картины, за которой я наблюдаю.

Я очень сильно ошибалась, когда думала в машине, что мое сердце разбито. Именно сейчас его вырвали из моей груди, растерзали на мелкие клочки и засунули ошметки обратно.

Словно мазохистка не могу отвести глаз от мужа, предающего меня с… особой тщательностью. Каждую клеточку моего тела словно иглой пронзает. В груди будто открытая рана появляется. Машинально поднимаю руку, кончиками пальцев прохожусь от живота все выше и выше. Дотрагиваюсь до груди, тру. Вроде дыры нет, но почему же так больно?

Глаза жжет от сдерживаемых слез, дыхание спирает, в горле застревает огромных размеров ком. Еще немного, и я разрыдаюсь.

Приглушенный девичий стон сотрясает пространство, его прерывают шлепки кожи о кожу, шумное дыхание. Все это отзывается резкой болью в многострадальной груди. Кажется, что сердце просто не выдержит еще больше страданий.

А Дан все не останавливается, не останавливается, не останавливается…

Взор размывается. Больше не могу смотреть. Зажмуриваюсь.

Почему я тут еще стою? Нужно уходить… убираться подальше от этого предателя!

Начинаю отступать. Но даже шага толком не получается сделать, как врезаюсь плечом в косяк. Жгучая боль стреляет в теле. Выдыхаю. Или это не я? Машинально хватаюсь за плечо. Распахиваю веки и… встречаюсь с голубыми глазами мужа.

Он, наконец, остановился и теперь, широко распахнув глаза, смотрит на меня через плечо.

Время словно останавливается. Если я думала, что до этого момента мне пришлось испытать самую сильную боль на свете, то была жутко неправа. Именно сейчас, глядя во все еще любимые глаза, осознаю, что такое настоящие страдания.

Я же любила Дана каждой клеточкой своего тела. Отдала ему душу. Мое сердце с момента нашей первой встречи, хоть он и не обращал на меня внимания — тогда мне было семнадцать, принадлежало ему… до сих пор принадлежит. От наполненного нестерпимой болью органа, конечно, остались только ошметки, но все-таки…

Слезы брызгают из глаз, текут по щекам. Больше не пытаюсь их остановить. Все равно бесполезно.

— Как ты мог? — произношу на выдохе.

Но Дан слышит, судя по тому, как сужаются его глаза, черты лица заостряются.

— Ты все? — писклявый женский голос разрывает пространство. — А как же я? Не поможешь? — девушка поднимает голову, оглядывается.

Сначала смотрит на Дана, потом прослеживает за его взглядом и видит меня. Ее лицо сначала искажает шок, потом на нем начинает растягиваться самодовольная усмешка.

Наваждение, из-за которого мне не удавалось сдвинуться с места, слетает словно по щелчку пальца. Начинаю отступать.

Муж тоже отмирает. Выходит из податливого тела девушки. Слышу «вжик» молнии.

— Ника, стой! — рев мужа заставляет меня вздрогнуть.

Резко разворачиваюсь. Постоянно спотыкаясь, не чувствуя ног, несусь к входной двери. Тяжелые шаги, которые слышу за спиной, еще сильнее подгоняют. Сердце бешено колотится в груди. Его стук отдается гулом в ушах. Дышу часто, порывисто. Ничего не вижу, пока не «подлетаю» к двери. Хватаю за ручку, распахиваю дверь.

Уже вижу путь к лифту, чувствую манящую свободу, вдыхаю ее запах, как…

Глухой удар, прозвучавший совсем рядом, заставляет меня вздрогнуть. Мгновение, и деревянное полотно захлопывается прямо перед моим носом. Сжимаюсь. Поднимаю голову и вижу руку мужа, лежащую на двери в районе моей головы.

Глава 3

Страх паучьими лапками ползет по коже. Горло перехватывает. Дышать и без того было трудно, а сейчас вообще невозможно сделать вдох. Желудок сводит до такой степени, что меня начинает подташнивать.

Чувствую присутствие мужа каждой клеточкой своего тела. Его горячее дыхание раздувает волосы на моей макушке. На коже оседает тепло Дана.

Муж стоит прямо за моей спиной. Не двигается. Лишь тяжело дышит.

Но этого достаточно, чтобы я чувствовала себя в ловушке.

Понимаю, нужно повернуться. Нужно взглянуть в глаза этому предателю. Сказать, чтобы отпустил меня, но не могу сдвинуться с места. Я будто приросла к полу. Тело отказывается реагировать на приказы охваченного паникой мозга. Все, что удается, — прикрыть глаза и сделать судорожный вдох.

— Давай поговорим, — спокойный голос Дана врывается в мой разум, разрывая напрочь хрупкую нить равновесия, которую мне удалось восстановить.

Ярость поднимается из самой глубины моей души, разливается по венам, заставляет кончики пальцев гореть, пульсировать.

Миг, и я разворачиваюсь к мужу, толкаю его в грудь.

— Поговорим?! — голос звенит от напряжения. — О чем ты хочешь «поговорить»? — выплевываю.

Сердце клокочет в груди. В ушах звенит. Кожу покалывает. Такое чувство, что ко мне электрический ток подключили.

В глазах мужа на мгновение мелькает огонек гнева — Дан терпеть не может, когда с ним спорят. Сарказм, который пропитал мой голос, раздражает его до трясучки. Но мне плевать на его чувства, а он быстро скрывает их за нечитаемой маской.

— Пошли, — хватает меня за запястье. Тянет в ту сторону, откуда я только что сбежала.

Стоит только подумать, что я снова увижу место, где мой муж с таким самозабвением всего несколько минут назад предавался плотским утехам с другой женщиной, тошнота усиливается. Видеть Зою — девушку, которая должна была подарить нам с Даном шанс на настоящую семью, — это последнее, чего мне хочется. Боюсь, что не сдержусь и повыдираю все ее патлы. А она беременна. Беременна моим ребенком. Моим и Дана…

Торможу пятками. Каблуки прогибаются, трещат, возможно, ломаются. Но мне плевать! На все плевать! Главное, остановить «машину», которая тянет меня, как надоедливый прицеп.

И, о боги, у меня получается!

Дан зыркает на меня через плечо.

— Я никуда с тобой не пойду! — чеканю каждое слово, пока у меня есть такая возможность.

Дергаю на себя руку, но делаю только хуже, ощущая сильное жжение на коже, а потом усилившееся давление на запястье.

«Этими руками он держал… ее», — мозг подбрасывает мне разрывающие душу картинки.

Истерзанное сердце болезненно сжимается. Кажется, что каждая клеточка моего тела кровоточит.

— Отпусти меня, — хочется зашипеть, но получается только просипеть.

Противные рыдания сдавливают горло, слезы льются по щекам. Не знаю, каким чудом мне удается стоять. Колени подгибаются, мышцы ослабевают. Хорошо, хоть дышу и то рвано, прерывисто.

— Нам нужно, — Дан выделяет последнее слово, — поговорить, — отрезает, дергая меня на себя.

— Да, нихрена нам не нужно! — взрываюсь моментально. — Ты предатель! Изменщик! Никакие разговоры этого не исправят! — только под конец осознаю, что кричу. И похоже, совсем не соображаю. В один шаг сокращаю расстояние между мной и Даном, заглядываю мужу в глаза и толкаю свободной рукой в грудь. — Хочешь поговорить значит? — снова толкаю. — Говори! Объясни! Дай мне хоть одну достойную причину, по которой ты совершил столь гнусный поступок! — бью мужа в грудь кулаком, но это не помогает избавиться от боли, пронзающей меня насквозь. Такое чувство, что я превратилась в сплошной оголенный нерв, и теперь один лишний вдох, случайное прикосновение, даже дуновение ветерка, заставит меня корчиться в агонии. Господи, муж мне изменил… и это после всего того, через что мы с ним прошли. После всего! — Я думала, мы любили друг друга! Думала, любили… У нас же была семья, — замахиваюсь. Но не успеваю влепить мужу пощечину, как он перехватывает меня за плечи.

— Хватит истерить! — Дан несильно, но ощутимо встряхивает меня.

Замираю больше от неожиданности, чем от боли. Смотрю на мужа полными слез глазами.

Истерить? Истерить… Теперь я еще и истерю…

— Почему? Скажи, почему? Чего тебе не хватало?! — голос дрожит из-за непрекращающихся рыданий.

Дан на мгновение прикрывает глаза, после чего смотрит на меня нечитаемым взглядом.

— Всего мне хватало, — цедит он, сквозь стиснутые зубы. — Я сделал это ради нас!

Мои глаза широко распахиваются. Челюсть едва не падает на пол.

Что? Я не ослышалась? Ради нас?

— Ради нас ты переспал с девушкой, которая носит нашего ребенка? — страшные слова едва проталкиваются сквозь сдавленное горло.

Муж сильнее хмурится. Если бы я так хорошо его не знала, то не увидела по глазам, как сильно он на самом деле взбешен. Гневные угольки тлеют в глубине его глаз. Дан смотрит прямо на меня, но молчит. Не находит, что сказать?

— Эм, Дан, — сначала я слышу писклявый голос, а потом вижу темноволосую макушку, выглядывающую из дверного проема гостиной.

— Да, блядь! — Дан сразу же напрягается, оглядывается через плечо. — Сиди там! — рявкает, после чего сразу же поворачивается ко мне. — А ты…

— А я ухожу, — в груди жжет от боли, смешанной с гневом, — от тебя! — добавляю, понимая, что говорю чистейшую правду. Иначе поступить гордость не позволит!

Возможно, когда-то я зависела от мужа. Возможно, он помог мне встать на ноги в самый трудный период моей жизни. Но то, что сделал сегодня, как поступил со мной… такое не прощается! Не прощается!

— Значит, так? — он выгибает бровь.

Мне бы успокоиться, продумать план, как действовать дальше, ведь вижу, что Дан находится на грани. Но меня несет!

— Да, так! — вздергиваю подбородок, непоколебимо глядя на мужа.

Дан шумно выдыхает. Сдавливает мои плечи. Явно оставляет синяки на нежной коже. Несколько секунд прищурившись смотрит на меня, прежде чем выдает:

— Знаешь что, моя дорогая? А давай-ка ты посидишь, успокоишься, а потом мы поговорим. Вижу, сейчас ты не в состоянии, — покровительственный тон бесит до безобразия.

Но прежде чем я успеваю что-то сказать или сделать, Дан перехватывает меня за талию, закидывает к себе на плечо и куда-то несет. Я настолько в шоке, что сориентироваться не удается, а он уже заносит меня в нашу спальню, ставит меня на ноги, а сам выходит. В проходе разворачивается ко мне, замирает.

— Успокоишься, позовешь, — захлопывает дверь, а следующий момент я слышу звук поворачивающегося в замочной скважине ключа.

Глава 4

Дан оставил меня одну на всю ночь!

На всю ночь!

Радует только то, что я поздно вернулась домой, из-за чего после долгого стука в дверь с просьбами, приказами, мольбой выпустить меня, почти сразу вырубилась. Даже толком проплакаться не успела. Такое чувство, что меня отключило и все.

Даже сейчас, когда свет проникает через веки и режет глаза, не могу до конца проснуться.

Мозг словно отказывается возвращать меня в жестокую реальность, желая задержать в безмятежной темноте. Вот только надоедливое солнце, которое посылает солнечные лучи прямо мне в глаза, не дает погрузиться обратно.

Не хочу выныривать из спокойствия, поэтому натягиваю одеяло прямо на лицо.

Одеяло?! Я же уснула, не накрывшись. Откуда тогда одеяло?!

Вот только не успеваю толком осознать эту мысль, как чувствую прикосновение к плечу.

— Просыпайтесь, — женский голос доносится до моего все еще плохо соображающего мозга.

Миг, и я распахиваю глаза, откидываю злосчастное одеяло, отползаю в сторону, сажусь.

Стоит вздернуть голову, сразу замечаю Зою. Девушка стоит рядом с моей кроватью в белой ночнушке, доходящей до пола, смотрит на меня глазами-бемби и кусает губу.

Ее рука так и зависла в воздухе в том месте, где я только что лежала.

Мне не требуется много времени, чтобы срастить два и два. Каждая мышца в теле натягивается, как струна. Ярость вспыхивает в самом моем основании.

— Не смей прикасаться ко мне, — шиплю, стискивая пальцы в кулаки.

До боли всаждаю ногти в ладони, пытаясь взять контроль над эмоциями, которые вмиг охватили меня.

Зоя забирает руку к себе, обнимает себя за талию. Краем глаза замечаю, что она в руке что-то зажимает, но не уточняю.

— Простите, — девушка бросает на меня взгляд исподлобья. — Я… я… — заикается, опускает голову, переминается с ноги на ногу, не договаривает.

Мне кажется, или я вижу, как уголки ее губ дернулись? Неважно!

— Что ты делаешь? — сползаю с кровати с другой стороны. Стараюсь не смотреть по сторонам. В своей же спальне, отделанной в коричнево-бежевых тонах, чувствую себя максимально неуютно. — И где Дан? — очень хочется вспомнить прошлое и врезать по яйцам этому предателю.

— Эм… на работу уехал, — пожимает плечами Зоя, поглядывая на меня украдкой. — Я подумала, что вам тоже на работу нужно. Поэтому вот, — протягивает руку, раскрывает ладонь, демонстрируя ключ.

— Дан забыл? — хмурюсь, нехорошее предчувствие зарождается внизу живота.

Зоя сильнее закусывает губу, после чего мотает головой. Ее черные волосы веером рассыпаются по плечам.

— Я вытащила у него из кармана, — заговорщицки шепчет.

Сильнее стискиваю зубы, представляя, что эти двое могли делать и насколько близко Дан подпустил к себе девушку, чтобы ей удалось забрать ключ из его кармана. Сердце болезненно сжимается. Еще не успевшие затянуться раны в душе начинают сильнее кровоточить. Горло сдавливает с такой силой, что мне даже не страшна тошнота, которая к нему подкатывает.

Не сразу ощущаю, что меня трясет. Зато холодный пот, выступивший на лбу, прекрасно чувствую. Перед глазами все начинает расплываться, поэтому зажмуриваюсь. С силой стиски-

ваю кулаки. Заставляю себя сделать пару глубоких вдохов и столько же выдохов, после чего открываю глаза.

Легче мне не становится, все еще больно и тошно, но, по крайней мере, вижу четко.

Еще раз окидываю любовницу мужа брезгливым взглядом, после чего срываюсь с места. Быстро дохожу до деревянного шкафа с огромными зеркалами на дверцах, расположенными за спиной девушки, и распахиваю его. На нижней полке нахожу черную спортивную сумку. Сразу же начинаю забрасывать в нее самые необходимые вещи. Мои движения резкие, остервенелые. Боль предательства подгоняет поскорее убраться из квартиры, которая много лет была моей и которую муж осквернил. Дан же не просто притащил в наш дом чужую бабу, но и трахнул ее здесь, показав тем самым истинное отношение ко мне.

Я проигнорировала тот факт, что он не посчитался с моим мнением, когда заключил договор с клиникой репродуктологии, хотя знал, что я с сомнением отношусь к идее с ЭКО. К суррогатному материнству, тем более. Последнее, чего бы мне хотелось, чтобы мой ребенок рос в другой женщине. Но я согласилась на долбаную процедуру, прошла через весь ад с забором яйцеклеток, подавляла неприятное ощущение в груди, когда понимала, что наши с Даном эмбрионы подсаживают посторонней женщине, ведь знала, что муж хотел нашего общего ребенка. И вот чем он мне отплатил? Такое не прощается!

Боже… ребенок.

В любовнице мужа живет наш с ним ребенок. И что теперь с этим делать?

Растерянность пронзает мозг. Ничего путного придумать сейчас не получается. Нужно сначала успокоиться, а потом решать, как поступить.

Поэтому взмахиваю волосами, стискиваю челюсти и одним движением застегиваю молнию сумки.

Снова срываюсь с места — больше меня в квартире ничего не держит. Если мне что-то понадобится, я куплю. Вот только стоит подойти к двери, застываю в проходе.

Черт! Я не могу уйти, не узнав.

Оглядываюсь через плечо, бросаю взгляд на Зою, которая… с удовлетворением смотрит на меня? Плевать. Сейчас не это важно!

— Как мой ребенок? — указываю подбородком на ее все еще плоский живот.

Девушка, явно не ожидавшая моего вопроса, вздрагивает. В ее глазах замечаю смятение, прежде чем она поджимает губы и кладет руку на живот.

— Он не ваш, — тремя словами разрезает последнюю нить, связывающую нас с мужем.

Глава 5

Я не думала, что смогу испытать еще больше боли. Такое чувство, что мою душу облили бензином и бросили в нее спичку. Ощущение, будто я сгораю до тла.

Все, что я знала — разрушено. Жизнь, в которой я была счастлива, рухнула в одночасье. Мечты превратились в пепел, как и надежды. Мой мир стал сплошным темным пятном. Меня будто бы засосало в болото, и никак не удается из него выбраться.

Не помню, как доезжаю до работы. Момент, когда оказываюсь в своем кабинете, тоже стирается из памяти. Остается лишь пустота. Кромешная беспросветная пустота.

Я сижу в небольшой, залитой светом комнате за дубовым столом. Мягкое офисное кресло за моей спиной не изменилось, как и шкаф в углу рядом с дверью, как и коричневый диванчик напротив него, как и окно рядом с ним с кремового цвета жалюзи. Но все ощущается чужим. Будто бы я больше не принадлежу этому месту… или оно не принадлежит мне.

Помню, как Дан впервые сам привел меня в кабинет директора детского дома, в котором я выросла. Стоило переступить порог, как у меня скрутило внутренности. Я подумала, что мы сейчас встретимся с новой директрисой, которая третировала детей, но…

— Этот кабинет твой, — шепчет муж мне на ухо, подойдя сзади. Так близко… так близко!

Застываю. Слова Дана никак не хотят укладываться в голове. Резко кручусь на пятках, вздергиваю голову, едва не ударяю мужа макушкой в нос.

— Осторожно, тигр, — усмехается Дан, успевая вовремя отклониться назад.

— Что ты имеешь в виду? — выпаливаю, игнорируя «предостережение» мужа. Требовательно смотрю на него.

Дан, похоже, замечает непоколебимость в моем взгляде, поэтому лишь мотает головой.

— Пошли сядем, — берет меня за руку, тянет к диванчику.

На негнущихся ногах следую за ним. Но пристального взгляда не отвожу. Дан ловит его как раз в тот самый момент, когда мы опускаемся на мягкую сидушку.

— Я не мог смотреть на то, какой ты расстроенной была в последнее время, поэтому попросил друга, который владеет частной охранной компанией, «проверить» Ольгу Павловну. Это, конечно, не его профиль, но, услышав о моих подозрениях, он согласился, — муж пожимает плечами.

— И-и-и? — подталкиваю его, желудок сводит от волнения.

— И у нас есть доказательства жестокого обращения с детьми, а также Леха раскопал, что Ольга Павловна расхищала денежные средства на предыдущем рабочем месте, — зловещая ухмылка появляется на губах у мужа.

Я же сижу с открытым ртом и не могу его захлопнуть. Тело просто-напросто не слушается.

— Так жалко, что Раиса Леонидовна вышла на пенсию, — медленно мотаю головой, пытаясь вернуть себе самообладание. Предыдущая директриса была «мировой женщиной». Она не сближалась с детьми, но и не находилась в стороне, когда у них были проблемы. Даже меня поддерживала, хотя я немало нервов ей вытрепала своими побегами.

— Кстати, о ней, — муж берет меня за руки и лукаво смотрит. — После того, как «ее замену» арестовали, Раиса Леонидовна посоветовала на место директора назначить тебя.

— Что? — произношу на выдохе.

Я думала, Дан пошутил, когда сказал, что это теперь мой кабинет. Но… похоже, нет.

— К-как? — едва выдавливаю из себя, горло перехватывает.

Руки холодеют, и если бы не теплые ладони Дана, наверное, вовсе заледенели бы.

— Серьезно, крошка? — муж немного снисходительно смотрит на меня. Сердце больно колет, но я отбрасываю неприятные ощущения в сторону. — Ты последние два года чуть ли не ночуешь в этом здании, — обводит взглядом комнату. — Волонтеришь, занимаешься с детьми, выбиваешь финансирование, обивая пороги всяким депутатшикам. Разве есть кандидатура лучше?

Действительно, после того как я окончила университет и вышла замуж, поняла, что меня тянет обратно в детский дом. Я хотела помочь детям, которые проходят через то, что давалось пройти мне. Считала, что никто лучше меня их не поймет. Поэтому однажды пришла к Раисе Леонидовне и предложила свою помощь. Я знала, что женщина не сможет мне заплатить, поэтому сказала, что готова работать на добровольных началах. Благо Дан поддержал мою инициативу. Заявил, чтобы я не переживала о деньгах и занималась тем, что моей душе угодно. Только… я все это делала от чистого сердца, из желания помочь, а не чтобы что-то получить.

— Я не могу, — мотаю головой. — Я не справлюсь, — начинаю подниматься, собираясь покинуть кабинет.

Но Дан резко кладет ладони мне на плечи, опускает назад. Заглядывает мне в глаза и чеканит:

— Если не ты, то кто? Хочешь, чтобы назначили еще одну «Ольгу Павловну»? — отрезает все мои контраргументы всего двумя вопросами.

Мне было жутко страшно вступать в должность, но я… справилась с возложенной на меня ответственностью.

Дан же сыграл немалую роль в моем становлении. Он помог мне найти свое призвание. От этого еще больнее. И похоже, именно поэтому чувствую себя в своем же кабинете чужой. Если бы муж не поддержал меня, я бы никогда его не заняла.

До сих пор в голове не укладывается, как Дан мог меня предать. Да еще с такой жестокостью, заделав малыша с другой.

Слезы снова наворачиваются на глаза, но не успевают пролиться, как стационарный телефон начинает трезвонить.

Часто моргаю, сглатываю ком, появившийся в горле, и снимаю трубку. Подношу к уху.

— Да? — все равно сиплю.

— Вероника Павловна, — сразу узнаю взволнованный голос Лены, молодой воспитательницы, которую наняли совсем недавно. — У нас ЧП… дети… они… кровь…

Стоит услышать последнее слово, сердце пропускает удар. Вскакиваю с кресла. Срываюсь с места. Не помню, как пересекаю кабинет. Но едва распахиваю дверь, как чуть не врезаюсь носом в чью-то обтянутую белой рубашкой грудь. Резко поднимаю голову и едва не оседаю на пол, встречаясь с голубыми глазами… мужа.

— Какого черта ты здесь делаешь? — ревет Дан.

Глава 6

Ступор, который охватывает мое тело, длится недолго. Не знаю, что Дан здесь забыл. И, если честно, мне плевать. У меня сейчас есть другая проблема.

— Уйди с дороги, — шиплю, совсем как дикая кошка.

Бесполезно. Дан меня не слышит. Муж как замер в проходе в мой кабинет, так и стоит там, словно каменная статуя.

— По-моему, я задал вопрос, — цедит сквозь стиснутые зубы. — Ты должна быть дома! — яростные нотки легко прослеживаются в его голосе.

— Тебе я ничего не должна, — выплевываю. — Уйди с дороги, у меня важное дело.

Ага. Так он взял и послушался.

— Нет у тебя никаких дел, пока мы не поговорим! — отрезает. — Ты сейчас же возвращаешься домой.

Не успеваю сориентироваться, как Дан дергается вперед, хватает меня за запястье. Рывок, и я заваливаюсь на его грудь. Муж перехватывает меня другой рукой за талию, после чего выволакивает в коридор.

Мне требуется мгновение, чтобы прийти в себя, а в следующее — наступаю Дану изо всей силы каблуком на ногу.

Муж шумно втягивает в себя воздух. Но его хватка не расслабляется, как я надеялась. Все, чего я добилась — только разозлила Дана еще больше.

— Ты допрыгалась! — шипит муж, снова дергается ко мне.

Едва успеваю отскочить назад. Иначе бы Дан снова схватил меня за талию и закинул к себе на плечо. Как уже делал до этого. Буквально вчера.

Дан сводит брови к переносице, наступает на меня. Шагаю задом наперед, чтобы не дать мужу снова стать «пещерным человеком».

Где-то на краю сознания понимаю, что мне с Даном не справиться. Он больше меня, сильнее. Но и сдаться я не могу.

— Ребенок ранен, — выпаливаю, надеясь воззвать к здравомыслию мужа.

Дан застывает. Щурится. Вглядывается в мои глаза и расслабляет пальцы.

Решаю не испытывать удачу. Разворачиваюсь и, не чувствуя ног, несусь по длинному коридору с бежевыми стенами и множеством деревянных дверей. Прогоняю в голове расписание занятий, понимаю, что дети сейчас должны быть на улице. Поэтому добегаю до конца коридора, распахиваю входную дверь. Не помню, как спускаюсь по бетонной лестнице и огибаю большое кирпичное трехэтажное здание, чем-то напоминающее старую школу.

Стоит мне оказаться на заднем дворе, сразу же вижу толпу, кого-то окружившую.

Сердце отбивает чечетку, дыхание то и дело прерывается, желудок скручивает в тугую спираль, но я все равно подлетаю к детям, протискиваюсь между плотно стоящими ребятами и застываю.

Меня моментально начинает мутить, когда я вижу залитую кровью голову тринадцатилетнего светловолосого паренька, одетого в простую черную толстовку и измазанные травой джинсы. Сидит он прямо на траве. Рядом с ним на коленях стоит Лена и прижимает когда-то белое вафельное полотенце к голове Саши. Ее лицо побледнело, квадратные очки съехали на кончик носа, русые волосы выбились из низкого хоста и теперь прилипают к лицу, а черный костюм помялся.

— Что произошло? — подхожу ближе, тоже опускаюсь на колени. Внимательно осматриваю белое лицо Саши, которое «украсили» дорожки из крови.

Тошнота уже стоит где-то в горле, желудок сжимает в болезненном спазме. Холодный пот выступает не только на лбу, но и на позвоночнике. Стараюсь глубоко дышать, чтобы хоть как-

то контролировать состояние. Перед этими ребятами нельзя показывать слабость. Стоит один раз оступиться, они уже никогда не будут воспринимать тебя как лидера. Вроде бы получается прийти в норму.

— Я упал, — выдавливает из себя Саша, после чего с такой силой стискивает губы, что те едва ли не синеют.

— Знаю я ваше «упал», — качаю головой. — Ладно, потом разберемся. Скорую вызвали? — перевожу взгляд на Лену. Мне кажется, или она еще больше белеет? — Твою мать, Лена, — выдыхаю. Хлопаю по карманам пальто, в одном нащупываю телефон…

— Они будут долго ехать. Я довезу быстрее, — сзади раздается голос Дана. Каждая мышца в моем теле напрягается.

Прежде чем я придумываю, что сказать, муж огибает меня, подходит к мальчишке и подхватывает его на руки с такой легкостью, словно тот ничего не весит. Полотенце остается в руках у Лены.

— Пусти, — рычит Саша. — Я тебе не баба. Сам дойду, — дергается, пытаясь вывернуться из рук моего мужа. Но тот, похоже, держит крепко, поэтому выбраться у Саши не получается.

Дан же никак не реагирует на попытки мальчишки освободиться. Просто срывается с места и рассекает толпу. Мне же ничего не остается, кроме как последовать за ним, бросив Лене, что она за главную.

Муж так быстро движется к машине, что я едва поспеваю за ним. Мне приходится бежать, но это и к лучшему. Потому что возле джипа Дана именно я распахиваю заднюю дверцу, куда муж буквально запихивает насупившегося Сашу. Я залезаю следом за ним, сразу впериваю взгляд во все еще кровоточащую рану на лбу мальчишки. Похоже, глубокая и нанесенная тупым каким-то зазубренным предметом. Камень? Что-то подобное мне уже доводилось видеть.

Жаль, что Сашу спрашивать о том, что произошло, бесполезно. Он будет придерживаться версии «упал» до последнего, чтобы не прослыть стукачом. Ему уже достаточно того, что Дан пронес его на руках.

Пока я рассматриваю лицо Саши, уставившегося перед собой, муж запрыгивает на место водителя и с визгом шин трогается. Выехав на проезжую часть, Дан бросает на меня взгляд в зеркало заднего вида, после чего переводит его на Сашу, хмурится. Через пару секунд у меня в руках оказывается пачка сухих салфеток. Вытаскиваю почти все и прикладываю к ране Саши. Тот шипит от боли, но ничего не говорит. Терпит. Это тоже мне знакомо.

До ближайшей травмы доезжаем меньше чем за десять минут. Дан хочет опять взять мальчишку на руки, но тот выскакивает из машины через другую дверь. Вот только, стоит Саше оказаться на улице, его сразу же ведет. Хорошо, что он хотя бы опирается спиной на машину, а не заваливается на твердый асфальт.

Буквально через пару секунд рядом с ним оказываемся мы с Даном, берем под руки, чтобы не травмировать еще раз «нежную детскую психику», и ведем в отделение.

Кутерьма событий закручивает нас с такой скоростью, что я забываю обо всем до того момента, пока Сашу не отвозят на рентген. Мы с Даном остаемся в коридоре с серыми стенами и сильнейшим запахом лекарств. Как только Саша пропадает из вида, силы покидают меня. Нахожу взглядом скамейку с другой стороны от двери, бреду к ней. Плюхаюсь. Затылком опираюсь на стену, выдыхаю.

Вот только мое облегчение длится недолго. Дан нависает надо мной.

— Поговорим? — смотрит сверху вниз.

События вчерашнего дня вновь встают перед глазами, причиняя мне нестерпимую боль. В груди словно бомба взрывается: невыносимо печет, дышать становится почти невозможно, сердце ноет. Приходится стиснуть зубы, чтобы не застонать в голос.

— Нам не о чем говорить, — цежу, борясь с подступающими слезами.

Горечь предательства смешивается со злостью и болью, заставляет кровь в венах бурлить.

— Ника… — черты лица Дана заостряются.

Вспыхиваю как спичка.

— Что, Ника? — вскакиваю на ноги. Задираю голову, чтобы смотреть мужу прямо в глаза. — Думаешь, твои разговорчики исправят то, что ты натворил? Считаешь, я смогу когда-нибудь стереть из памяти увиденное? — мне бы обратить внимание на пламя ярости в глазах мужа, но меня несет. Не могу остановиться. — Нет, не смогу! Я никогда тебя не прощу, — чеканю. — Слышишь? Никогда! Ты уничтожил всю любовь, которая только была во мне! Убил все хорошее, что было между нами. Ты меня предал! Слышишь? Предал! — впиваюсь ногтями в ладони. Еле борюсь с желанием врезать мужу побольнее. — Поэтому я больше не буду ни разговаривать с тобой. Ни слушать тебя не собираюсь. Ни видеть тебя не хочу. Убирайся отсюда и оставь меня в покое. Ты мне больше никто! — последние слова буквально выплевываю в лицо Дану.

Он мгновение ничего не предпринимает, а в следующее — жестко усмехается, отчего у меня ледяные мурашки бегут по позвоночнику и внутри все стягивается в одну точку.

— Значит так? — муж вздергивает бровь. Уверенно киваю. — Отлично. Я тебя услышал. Только учти, когда ты и твои детки окажетесь на улице, ты об этом пожалеешь, — чеканит, после чего разворачивается и уходит.

Просто уходит, оставляя меня стоять в растерянности и с вопросами крутящимися в голове: «Что Дан имел в виду в последнем заявлении? Почему мы должны оказаться на улице?»

Глава 7

— У вас с мужем не все в порядке, да? — Саша, сидящий рядом со мной в такси, настороженно косится на меня.

Слава богу, рентген ничего серьезного не показал. Обычная травма. Пришлось наложить с десяток швов, и нас отпустили «домой». Врач только велел присматривать за мальчишкой на случай возможного сотрясения. В остальном, благо, обошлось без серьезных повреждений.

— С чего ты взял? — вроде бы произношу уверенно, а у самой желудок скручивает, стоит вспомнить наш разговор с мужем в больнице.

Нужно было включить голову во время нашей ссоры с Даном, но боль заполнила каждую клеточку моего тела, поэтому меня понесло с такой скоростью, что я толком не помню, какие именно слова вылетали из моего рта. Но то, что после них мне стало легче — это факт.

Жаль, что после ухода Дана расслабиться не получилось.

Слова мужа о детях, которые должны оказаться на улице, не дают мне покоя.

— Я… эм… — Саша отводит взгляд к окну, — слышал ваш разговор, — выпаливает на одном дыхании, кончики его ушей краснеют. — Вы так громко ругались, что… — прерывается и, видимо, не собирается заканчивать, но этого и не требуется. Я и так поняла — «что невозможно было не услышать».

Прикрываю глаза, стискиваю ладони, лежащие на коленях, в кулаки. Хочется запрокинуть голову, прислониться затылком к подголовнику, но заставляю себя сидеть, не двигаясь. Не хочу, чтобы Саша увидел мое смятение.

В итоге, распахиваю веки и поворачиваю голову к пареньку.

— Не произошло ничего такого, с чем бы я не справилась, — выдавливаю из себя улыбку и сама удивляюсь, насколько уверенно звучат мои слова.

Вот только как бы я ни пыталась храбриться, внутри все раздирает словно когтями дикого зверя. События последних двух дней попросту не укладываются в голове. Кажется, что все происходит не со мной. Или может быть, я попала в другую вселенную, где для меня нет ни счастья, ни радости, одни проблемы и печаль. Хотя, возможно, просто удача возвращалась в мою жизнь на время, а теперь ушла гулять своей дорогой.

В общем, неважно. Все равно ничего не исправишь, нужно смириться с тем, что моя жизнь полетела в тартарары. И как-то справляться с тяжестью, которая легла на мои плечи. Другого выбора попросту нет. Даже несмотря на то, что боль волнами проносится по телу, стоит только вдохнуть глубже обычного, а сердце не перестает.

— Если он… — бормочет Саша, привлекая мое внимание, — в смысле, ваш муж, — крутит пальцы перед собой, при этом смотрит на них, — будет вас обижать, вы скажите, ладно? Мы с ребятами ему темную устроим, — он весь заливается красным.

У меня же в груди разливается тепло. Вот ради этих ребятишек я не имею права сдаться. Ради них должна бороться до последнего.

— Спасибо, мне очень приятно, — аккуратно взлохмачиваю его волосы, чтобы не задеть повязку. — Но ты о себе лучше позаботься. Этого не должно повториться, — указываю подбородком на лоб мальчишки.

Саша сначала супится, но уже через минуту тяжело вздыхает и кивает.

Знаю, что мальчишка не сдаст своих обидчиков. Но очень надеюсь, что ребята не доставят больше проблем. Мне сначала нужно разобраться с тем, что происходит со зданием, в котором находится детский дом. Нельзя отвлекаться на что-то другое.

— А правда… что мы можем на улице оказаться? — едва слышно спрашивает Саша.

Резко поворачиваю к нему голову.

— Откуда…? — не договариваю, потому что понимаю — подслушал. Вздыхаю. — Я не буду тебе врать — понятия не имею, о чем говорил Дан. Но обещаю, что разберусь. И у меня будет к тебе просьба, не распространяйся об услышанном. Не нужно лишний раз всех тревожить. Я в любом случае решу проблему. Я не подведу вас. Как и раньше не подводила, правда? — смотрю прямо в голубые глаза мальчишки.

Саша тоже внимательно изучает меня, после чего утвердительно кивает.

Мы как раз подъезжаем к детскому дому. Я передаю мальчишку Лене и велю за ним приглядывать, а сама мчусь в кабинет, где сразу же звоню моему знакомому из городской администрации. После угрозы Дана сердце не на месте.

Такое чувство, что длинные гудки длятся вечно, прежде чем я слышу немного ленивое «алло».

В горле встает огромных размеров ком. Сглатываю его, прежде чем начинаю говорить:

— Павел Николаевич, добрый день. Вас беспокоит Альтовая Вероника Павловна.

— А-а-а, приветствую, Вероника Павловна, — в голосе мужчины слышатся фривольные нотки. Перед глазами рисуется картинка, как полноватый мужчина с немалым животом и лысиной, которую можно протирать тряпочкой, развалился в кресле в своем офисе и не потрудился даже застегнуть пиджак. Почему-то мне становится не по себе.

— Чем могу вам помочь?

— Почему мои дети могут оказаться на улице? — решаю не юлить и выпаливаю все как есть.

До меня доносится приглушенный скрип, сопровождаемый тяжелым вздохом.

— Так вы по делу?! — голос мужчины резко становится серьезным. — Ну хорошо, без любезностей, так без любезностей, — такое чувство, будто он стискивает зубы. — Вы сами знаете, что земля, на которой стоит здание вашего детского дома, спорная. Вокруг строится слишком много жилых комплексов. И не уверен, что жильцам понравится соседство с беспризорниками. Мы думаем о перераспределении ресурсов. Поэтому рассматриваем разные варианты. Но не буду скрывать, что, возможно, вам с вашими беспризорниками придется переехать, либо вообще мы их распределим по другим детским домам, а на этом месте построим поликлинику или школу.

Я настолько в шоке, что едва могу выловить из сумбура мысли что-то более или менее здравое:

— Но как так?

— А чему вы удивляетесь? — гневные нотки отчетливо прослеживаются в словах мужчины. — Ваш муж давно в курсе. Если вы чего-то не знаете, поговорите с ним. А я занят. Всего доброго, — выплевывает и кладет трубку.

Я же как сидела с телефоном, прижатым к уху, так и остаюсь сидеть. Нет, Раиса Леонидовна, конечно, предупреждала, что с месторасположением детского дома, в итоге, могут возникнуть проблемы. Но я не думала, что настолько серьезные.

«Ваш муж давно в курсе. Поговорите с ним», — вспыхивает в голове.

Дан знал? И ничего мне не сказал?

Возмущение разливается по венам. Стискиваю зубы с такой силой, что те скрипят. Отнимаю телефон от уха, набираю номер мужа, прикладываю обратно. Вот только вместо ожидаемого ответа слышу короткие гудки, за которыми приходит сообщение:

«Если хочешь поговорить, жду тебя сегодня вечером дома».

Глава 8

Вставляю свой ключ в замочную скважину и чувствую, что кровь в венах закипает.

Я сохраняю самообладание из последних сил. Но день, проведенный на нервах, подводит меня к грани. Я готова сорваться в любой момент, найти Дана, врезать ему пару раз чем-нибудь тяжелым по голове. Но, блин, этого ни в коем случае нельзя сделать. По крайней мере, пока. Сначала нужно получить от него информацию, касающуюся детского дома.

Сердце клокочет в груди. Желудок сжимается в болезненных спазмах. Меня жутко мутит, но еще больше я злюсь.

Ультиматум мужа сначала выбил меня из равновесия, а потом довел до грани. За день, проведенный в бесполезных попытках выяснить, что же все-таки происходит с землей, на которой стоит детский дом, и что нужно делать, лишь бы ее сохранить, я завелась до такой степени, что готова рвать и метать.

Точкой кипения стало то, что Дан игнорировал мои звонки.

Когда же я отправила ему сообщение «ответь, черт возьми», буквально через секунду получила «жду дома».

Сомнений, что Дан просто игнорирует мои звонки, не осталось.

Поэтому сейчас, когда я распахиваю дверь квартиры, которая когда-то была только нашей с мужем, и влетаю в коридор, не разуваясь, мчусь по коридору. Чуйка подсказывает, где именно ждет меня муж.

Вот только стоит мне пойти к гостиной, застываю. Боль пронзает каждую клеточку тела, когда я думаю о том, что увижу место, где муж мне изменил.

Воспоминания все еще слишком яркие и раз за разом прокручиваются у меня в голове. Как бы я ни храбрилась, раны, нанесенные предательством любимого человека, до сих пор кровоточат.

Я думала, что смогу справиться с чем угодно, поэтому пришла сюда, но переступить порог долбаной комнаты и увидеть тот самый диван оказывается слишком для меня. Начинаю отступать.

Плевать! Сама разберусь с тем, что происходит с детским домом. Дан мне не нужен.

Да, узнать обо всем у него — самый простой вариант из возможных, но это не значит, что единственный.

Именно эта мысль придает мне силы, поэтому разворачиваюсь и… натыкаюсь на Дана. Он в черных брюках и белой рубашке с закатанными до локтей рукавами стоит, прислонившись плечом к стене, и внимательно за мной наблюдает. Черты его лица разглажены, а в глазах царит пустота.

— Убегаешь? — муж вздергивает бровь, бросает мне вызов.

Гнев, который всего секунду назад сменился паникой, вновь восстает из глубин моей души. Стискиваю кулаки, впиваюсь ногтями в ладони. Взор застилает красная пелена.

— А что если да? Опять запрешь меня? — принимаю вызов, смотрю прямо в голубые глаза мужа.

— Нет. Если сейчас уйдешь, то позже вернешься, когда поймешь, что без меня тебе не справиться, — Дан пожимает плечами, отталкивает от стены, огибает меня и заходит в злосчастную гостиную. — Жду тебя, — доносится до меня спокойный голос мужа.

Не знаю почему, но мне кажется, что я улавливаю какой-то намек в последних словах Дана. Кажется, словно он будет ждать меня столько, сколько потребуется. Я же права, да?

Его самоуверенность бесит меня еще больше.

Поджимаю губы, шумно выдыхаю. Ну уж нет! С меня хватит мужа и его игр! Я справлюсь сама. Без его «помощи», за которую точно нужно будет заплатить. Делаю шаг к двери и… останавливаю.

«Сколько времени я потеряю, если сейчас уйду?» — здравая мысль выбивается среди бардака, который творится у меня в голове.

Черт!

Я же как раз по этой причине сюда пришла. Зная подковерные политические игры, я могу опоздать с тем, чтобы помочь детям сохранить их дом. Именно этот аргумент заставил меня поддаться на манипуляцию Дана. Иначе я ни за что не переступила бы порог квартиры.

Да, что же это такое? Как бы мне ни было противно признавать, но Дан прав. Я, в любом случае, приду к нему. Больше не к кому. Вот только может быть уже поздно. Лучше сейчас разобраться со всем, чем откладывать в долгий ящик и… опоздать.

«Ника, ты же никогда не была трусихой. Давай, сцепи зубы, войди туда, выясни все и уходи», — говорю себе. — «Давай же, как пластырь оторвать. Резко, больно, но быстро».

Вот только сколько бы я ни убеждала себя зайти в комнату, в которой мое сердце разбилось, от одной мысли, что снова увижу место измены, тело пронзает стрела боли.

Прикрываю глаза. Делаю несколько глубоких вдохов и выдохов. Как велел внутренний голос, стискиваю губы. Разворачиваюсь на пятках и, игнорируя спазмы в животе, которые вызывают тошноту, иду в гостиную. Вот только чтобы сделать последний шаг… переступить долбаный порог, приходится снова зажмуриться. Но уже в следующий миг я распахиваю веки… как пластырь оторвать… и едва не роняю челюсть.

Не верю своим глазам. Просто не могу поверить.

Моргаю. Снова и снова.

Нет, не мираж.

Тогда куда делся диван?

Глава 9

— Что за? — единственное, что мне удается выдавить из себя, когда я понимаю, что передо мной пустое пространство.

Диван, на котором муж изменил мне, исчез. Действительно, исчез.

— Тебя что-то не устраивает? — голос Дана вырывает меня из ступора.

Перевожу взгляд на его затылок, сверлю его, чувствуя, как отвращение разливается по венам.

— От Зои тоже избавился? — ехидство всегда было моей защитной реакцией. И сейчас оно вылезло как нельзя кстати.

— Нет, просто попросил ненадолго уйти, — безэмоциональный ответ задевает самые воспаленные струны моей души.

Значит так, да?

На мгновение прикрываю глаза, глуша в себе боль, после чего распахиваю веки и прохожу вглубь гостиной. Я пришла сюда не для того, чтобы обсуждать любовницу мужа и будущую мать его ребенка.

— Почему ты не сказал, что детский дом планируют расформировать? — не дохожу до Дана нескольких шагов.

Мне нужно, чтобы между нами было хоть какое-то расстояние. Может, тогда я хотя бы немного притуплю обжигающую боль, которая разносится по телу, заставляя каждую его клеточку полыхать.

— Потому что не хотел тебя волновать, — Дан пожимает плечами, словно произошедшее для него ничего не значит. — У тебя и так было полно проблем.

Не знаю почему, но мне кажется, что муж намекает на то, что я никак не могла забеременеть, из-за этого очень сильно расстраивалась. Но работа и личная жизнь — это разные вещи. Вот что-что, а засовывать чувства подальше в момент, когда нужно решать срочные вопросы и принимать важные решения, я научилась, еще живя в этом самом детском доме.

Вот только почему-то, кажется, скажи я об этом сейчас мужу, он лишь хмыкнет. Хорошо, если глаза не закатит.

Вообще, Дан всегда был гиперопекающим. Оберегал меня даже в тех случаях, когда мне его помощь не требовалась. Я же в такие моменты просто стискивала зубы и позволяла Дану почувствовать себя мужчиной, способным решить все проблемы. Но в последнее время его поведение перешло все границы. Я уже молчу про измену.

Поэтому вместо того, чтобы затевать ссору на тему «ты не имел права ничего от меня скрывать», я сильнее впиваюсь ногтями в ладони и спрашиваю:

— Расскажи мне, кому помешал мой детский дом? — почему-то я не сомневаюсь, что без сильных мира сего не обошлось. — И сколько времени у меня есть, чтобы не дать его расформированию? — я почти уверена, что его осталось немного.

Дан еще несколько секунд стоит спиной ко мне. Не двигается. Похоже, даже не дышит. Но уже через пару мгновений тяжело вздыхает и разворачивается ко мне.

Его голубые глаза тут же находят мои, нанося мне очередную рану. Как же я их любила… раньше. Теперь же они ассоциируются с предательством.

— Ты уже связалась с Власенко? — муж вздергивает бровь. Киваю. Ему первому и позвонила, сразу же получив отворот-поворот. Хотела заявиться сегодня вечером к Павлу Николаевичу на прием, но, в итоге, поняла, что узнать все у мужа будет эффективнее, чем разговаривать с этим ужом в кожаном кресле.

— Тогда знаешь, что территорию недалеко от детского дома выкупил крупный застройщик. Вот как раз ему и не нравится, что соседствовать с его элитными жилыми комплексами

будет невзрачный детский дом. Он считает, что такое «соседство», — показывает кавычки в воздухе, — удешевит стоимость квартир.

— Откуда ты все это знаешь? И как давно? — последний вопрос буквально вырывается из меня, не могу его удержать.

— Не догадываешься? — хмыкает Дан. — И чуть меньше недели.

— Леша? — меня озаряет моментально. Конечно же, кто еще мог раскопать столько информации за короткий срок? Только друг мужа, владеющий частной охранной компанией.

— Да, — усмехается Дан. — Ему, конечно, не нравится, что я использую его в качестве частного сыщика, но и отказывать не может, — пожимает плечами.

Мне требуется секунда, чтобы переварить всю полученную информацию, разложить ее по полочкам, прежде чем вытащить нужную:

— Ты так и собирался держать меня в неведении до последнего? — веду плечами, пытаясь хоть немного расслабить затекшие мышцы.

Сохранение самообладания, глядя в глаза изменнику-мужу, дается мне с огромным трудом.

— Нет, сначала хотел пообщаться с этим ушлым застройщиком. Посмотреть, что это за фрукт. Понять, как действовать дальше. А потом бы все рассказал тебе. Это произошло бы в ближайшие дни. У нас назначена встреча уже, — Дан отталкивает от подоконника и широкими шагами направляется ко мне.

Желудок делает кульбит, когда я наблюдаю за тем, как он быстро приближается. Дыхание застревает в груди. На автомате начинаю отступать, но даже пары шагов не успеваю сделать, как муж сначала хватает меня за запястье, после чего дергает на себя, а когда я начинаю заваливаться, придерживает за талию… обеими руками… заключив мое тело в кольцо.

Из меня от шока и возмущения выбивает весь воздух, но я уже в следующую секунду вздергиваю голову и чеканю:

— Отпусти меня, — злость клокочет в груди.

— Ты серьезно думаешь, что я бы специально навредил тебе или твоему детскому дому? — Дан, словно не слышит меня, держит также крепко, как и держал.

Его слова только подкидывают дровишек в огонь ярости, который уже во всю пылает в моей груди.

— Ага, Зоечке ты ребенка случайно заделал, — ехидно выплевываю.

В глазах Дана вспыхивает злость, и я не понимаю, это отражение той, что пылает во мне, или его собственная. Но когда до моего воспаленного мозга доходят следующие слова мужа, я едва не роняю челюсть от шока:

— Еще непонятно заделал или нет.

Глава 10

Не сразу понимаю, что Дан имеет в виду. Такое чувство, что сказанные им слова отказываются складываться в единое предложение у меня в голове. Мозг, которому и так довелось пережить слишком много всего за последнее время, словно защищает меня. Но я, наверное, мазохистка, заставляю его работать с удвоенной силой.

Постепенно преодолеваю сопротивление и осознаю…

— Ты хочешь сказать, что Зоя не беременна? — не узнаю собственный голос, настолько он глухо звучит.

Куда подевалась вся присущая мне решительность? Почему именно сейчас тело немеет, а колени подгибаются?

Нет! Так не пойдет.

Судорожно втягиваю воздух, из всей силы впиваюсь ногтями в ладони, расправляю плечи и смотрю на мужа с гордо поднятой головой.

Дан все так же скрывает свои эмоции под безэмоциональной маской. Лишь в глубине его глаз мне удается рассмотреть частичку печали.

— Я пока не знаю, — произносит муж на выдохе.

Его слова выбивают почву из-под моих ног. Если бы Дан не держал меня, я бы, наверное, осела на пол.

— Но как…? Почему...? Неважно, — мотаю головой, пытаясь заставить мозг работать.

Почему-то только сейчас осознаю, что все мои потуги завести ребенка оказались безуспешными. Зоя же четко заявила, что в ней нет моего малыша, а она проходила через процедуру искусственного оплодотворения, я это точно знаю. Сама была в клинике на тот момент. Значит, ЭКО не сработало. Почему я этого раньше не поняла?

Ответ приходит ко мне сразу:

«Потому что думала о предательстве мужа, а не о себе».

Это я такая бракованная? Или… возможно… мы просто с Даном несовместимы?

Однажды, когда я сидела на полу в нашей ванной и смотрела на очередной тест на беременность с одной полоской, эта уже мысль вспыхнула в моей голове и начала преследовать меня, вылезая в самый неподходящий момент или когда мне в кои-то веки удавалось расслабиться. Но я гнала ее от себя. Любовь к мужу была настолько сильной, что я просто не могла поверить в то, что возможно нам не суждено быть вместе. Мы же настолько разные. Дан родился золотой ложкой во рту, а я… Я — девочка, у которой нет рода… девочка, которую бросили… девочка, от которой отказались. Мне пришлось самой пробивать себе путь в жизнь. Пришлось самой делать себя. Вот только, встретив Дана, который взял ответственность за меня, позволила себе расслабиться. Видимо, это оказалось моей ошибкой. Самой большой на свете ошибкой. Я доверилась мужчине, позволила ему решать все за меня и, похоже, во всем этом потеряла себя.

Поэтому моя семья и разрушалась? Или ее просто не должно было быть?

Все, что у меня осталось — это мой детский дом. Дом, в котором выросла я. Дом, в котором обо мне заботились. Да, по-своему, но заботились. Дом, который является пристанищем для многих детей. Детей, которые проходят через то, что довелось пройти мне.

Я не могу его потерять. Я не могу бросить их.

Ведь если это случится, то у меня больше ничего не останется.

Это осознание ушатом холодной воды выливается мне на голову. Силы резко возвращаются. Эмоции, которые вышли на первый план, удается снова затолкнуть в самый дальний угол своей души. Моргаю. Еще раз. И еще. Снова смотрю на Дана и больше не чувствую ничего. Дан предал меня. Но это был его выбор. И только ему с ним жить.

Руки мужа, которые все еще лежат на моей талии, соскальзывают с нее, когда я делаю шаг назад. Но не ухожу. У меня остался еще один вопрос.

— Когда состоится встреча с застройщиком? — мой голос холоден, отстранен.

Дан, который явно улавливает мое изменившееся в долю секунды настроение, хмурится.

— Ника… — делает шаг ко мне.

Я же еще дальше отступаю. Выставляю руку перед собой.

— Не надо. Не подходи. С меня хватит, Дан. Правда, хватит, — каждое слово сквозит пустотой, которая царит внутри меня. — Когда встреча?

— Завтра, но…

Мотаю головой.

— Никаких «но». Пришли мне адрес сообщением. Если ты этого не сделаешь, я пойду к нему сама. Найду способ выйти на него. Ты же меня знаешь, я всегда добиваюсь того, чего на самом деле хочу, — хотя нет, вру — не всегда. Того, чего я на самом деле хочу, у меня никогда не будет.

Зато будет у Дана. Он получит это от другой.

Еще мгновение позволяю себе просто постоять и посмотреть в глаза мужа, которые когда-то так сильно любила, после чего отрезаю чувства окончательно.

— Жду сообщение, — бросаю и разворачиваюсь.

Шаг за шагом удаляюсь от Дана, который остается за спиной… который остается в прошлом. Выйти из гостиной оказывается намного проще, чем в нее войти. Вот только стоит мне переступить порог, как сзади раздаются тяжелые шаги.

— Ника, подожди. Мы не закончили, — долетает до меня грозный голос Дана.

— Нет, закончили, — не останавливаюсь ни на мгновение, сосредотачиваюсь лишь на двери, в которую недавно вошла. — Это конец, — произношу не громче выдоха.

— Ника… — рычит муж, догоняя меня.

Напрягаюсь, понимая, что мне предстоит еще одна схватка. Чувствую тепло ладони мужа, которая ложится мне на плечо, как…

Дверь, к которой я стремилась, распахивается.

— Дан, прости, я устала гулять, — в квартиру заходит Зоя, одетая в пальто бежевого цвета, так сильно напоминающее мое.

Оглядываюсь через плечо.

— Она называет тебя так, как называла только я, — горько усмехаюсь. — Дан, — именно так я назвала мужа в первую нашу встречу, потому что имя Даниил мне жутко не понравилось. — А ты говоришь, не закончили.

Глава 11

Ночь, проведенная в кабинете на диване, не лучшим образом влияет на мое состояние. Голова болит, мышцы ноют. И вообще, ощущение разбитости никуда не девается. Такое чувство, что из моей груди вырвали что-то важное, необходимое, оставив дыру, в которой царит пустота.

Хотя это даже хорошо. По крайней мере, боли нет. И можно сосредоточиться на деле — ведь встреча с застройщиком назначена на это утро. Дан все-таки прислал сообщение с временем и местом встречи, а еще сказал, что заедет за мной. От последнего предложения я отказалась.

Мне уже достаточно того, что он, словно маньяк, ехал за мной от квартиры до детского дома, потом стоял под окнами и не уезжал несколько часов точно. Дан вообще не хотел меня отпускать. Крепче сжав плечо, заявил, что никуда не уйду.

Последнее, чего бы мне хотелось в тот момент — это спорить с кем-то, но маячащая перед глазами Зоя, которая стояла на пороге, переминаясь с ноги на ногу, пробудила что-то темное, яростное в моей душе.

Я оглянулась через плечо.

— Ты хочешь сказать, что я должна остаться в одной квартире с тобой и твоей любовницей? — инстинкты кричали, что нужно схватить эту темноволосую дрянь за волосы, выбросить на площадку и спустить с лестницы, но я прекрасно понимала, что это того не стоит.

Я уже давно не та Ника, которая решала вопросы силой. Я выросла, а, значит, выше этого.

— Для нее квартира будет готова завтра, — как ни в чем не бывало, заявляет Дан.

Из меня вырывается истеричный смешок.

— Ты приготовил любовное гнездышко для себя и своей… — прерываюсь, не знаю, как лучше назвать девушку, которая влезла в нашу семью. Да неважно. Плевать. — Если ты хочешь, чтобы я осталась, тебе снова придется меня запереть. Но в этом случае уничтожишь даже то хорошее, что когда-то было между нами. И ты меня прекрасно знаешь, я же все равно найду способ выбраться… — «от тебя» и «навсегда» повисают в воздухе.

Дан отпустил меня. Но, скорее всего, потому что решил дать мне время успокоиться, прежде чем снова начать меня атаковать. Я хорошо знаю своего мужа, по крайней мере, раньше хорошо знала, поэтому уверена, что он просто так меня в покое не оставит. Нам еще придется схлестнуться. И возможно, не раз.

Но в ближайшее время об этом я думать не собираюсь. Тем более выйдя из машины, направляюсь к высотке, полностью сделанной из темного стекла.

Стоит мне приблизиться, в отражении вижу девушку в черном пальто, — бежевое я засунула как можно дальше в шкаф, — в строгом черном деловом костюме, с распущенными светлыми волосами. Радует только то, что печаль не отражается в ее глазах. Похоже, пустота действительно берет свое.

Вздыхаю, собираюсь пойти дальше, как краем глаза замечаю в отражении мужчину. Ноги словно прирастают к земле.

— Я так и знал, что ты приедешь раньше и попытаешься сама попасть на встречу к Леонтьеву, — хмыкает муж, останавливаясь рядом со мной.

Дан прилично выше меня — на целую голову и даже немного больше. Его черный костюм, один из тех, которые он настолько обожает, что заказывает пошив у портного, сидит на нем идеально. На лице чуть больше, чем нужно, отросшая щетина, между бровей глубокая вертикальная морщина, а взгляд направлен на меня.

— Я настолько предсказуема? — горько усмехаюсь, потому что Дан прав. Я приехала раньше, потому что хотела встретиться с застройщиком без него. Видеть мужа — это последнее, чего мне хочется.

— Нет, — хмыкает Дан. — Просто я тебя знаю. Ты на меня злишься, значит, будешь всеми силами избегать, — пожимает плечами.

— Я не злюсь, — смотрю в глаза мужу через отражение. — Я вообще ничего не чувствую. Ты выжег все мои чувства, — выпаливаю и отворачиваюсь.

Сразу же направляюсь к входу в здание, оставляя Дана позади. Вот только стоит мне потянуться к массивной ручке, как муж меня опережает. Распахивает для меня дверь, пропуская вперед.

Шумно выдыхаю, стискиваю челюсти, едва ли не до скрипа зубов, после чего захожу в залитый светом холл. По его периметру расставлены кремового цвета диванчики и столики между ними. Сбоку замечаю несколько кафешек, похоже, для сотрудников, а у дальней стены сразу четыре лифта и станцию с кофе, у которой собралась приличная очередь.

Мы с Даном пересекаем холл, как раз вовремя — створки одного из лифтов разъезжаются и выпускают наружу приличную толпу, которая как раз направляется за божественным напитком, который я с утра забыла выпить. Может, я поэтому такая… потерянная? После знакомства и общения с застройщиком нужно тоже постоять в этой очереди.

В лифт мы с Даном заходим не одни. На самом деле, людей настолько много, что нас оттесняют к задней стенке, едва не вдавливая ее. Муж успевает лишь нажать на кнопку нужного этажа, пока все не очень большое пространство полностью не заполняется людьми.

Мы с Даном настолько близко стоим друг к другу, что наши плечи соприкасаются, а меня окутывает мускусный аромат с древесными нотками, из-за чего начинает жутко тошнить. Задерживаю дыхание.

Дан наклоняется ко мне.

— Моя секретарша перенесла встречу на час раньше, так что нам не придется ждать, — шепчет на ухо, обдавая его горячим дыханием.

Мурашки тут же покрывают кожу. Хочется провести ладонями по рукам, но заставляю себя стоять, не шелохнувшись. Не собираюсь показывать мужу, что он хоть как-то влияет на меня.

— Хорошо, — выдавливаю.

— Зоя сегодня переезжает, — муж, явно, не желает оставлять меня в покое.

Впиваюсь ногтями в ладони.

— Меня это должно волновать? — цежу сквозь стиснутые зубы, чувствую, как Дан рядом со мной напрягается. Но уже спустя секунду шумно выдыхает.

— Возвращайся домой, — произносит тихо, но я все равно слышу.

— Нет, — отрезаю.

— Ника… — рык мужа заставляет меня вздрогнуть, а людей в кабинке начать оборачиваться.

Створки лифта как нельзя кстати разъезжаются, выпуская большую часть толпы и нас в том числе. Пока люди разбредаются по разным сторонам коридора, распределенного на две части мини-холлом с белыми стенами, такого же цвета ресепшеном напротив лифтов и несколькими кремовыми диванчиками, которые, видимо, установили тут, чтобы сделать ожидание более приятным.

— Добрый день. Альтов Даниил Леонидович. У меня назначена встреча с Матвеем Александровичем, — чеканит муж, когда мы подходим к ресепшену, за которым сидит шикарная блондинка с красными губами и в блузке, отчетливо демонстрирующей ложбинку ее приличного размера грудей.

— Да, проходите, — произносит девушка, проверив что-то на компьютере, после чего указывает на дверь рядом с ее столом.

— Спасибо, — вежливо отзывается муж, после чего кладет мне руку на поясницу и подталкивает к черной двери, на которой красуется золотая табличка с надписью «Леонтьев М.А, генеральный директор».

Я подавляю желание отпрыгнуть в сторону и вместе с мужем подхожу к кабинету директора.

Дан уверенно стучит, а услышав громкое «войдите», распахивает дверь, пропуская меня вперед. Вот только стоит мне переступить порог и поднять взгляд на мужчину, который собирается уничтожить детский дом, застываю. Все потому, что я знаю этого человека. Знаю…

Глава 12

Матвей.

Лишь от одного имени, вспыхнувшего у меня в голове, все внутри сжимается в тугой узел.

На миг меня переносит в прошлое…

— Ты пожалееешь! Слышишь меня? — худощавый светловолосый молодой человек смотрит на меня диким, наполненным яростью взглядом, пока его вытаскивают на улицу два полицейских. — Я доберусь до тебя, и ты ответишь за все, что натворила! За все! — последние слова звучат приглушенно из-за захлопнувшейся двери, но все равно долетают до меня, посылая мурашки ужаса по моей спине.

Он исполнил свое обещание — добрался…

Другое воспоминание начинает всплывать перед глазами, но я с силой зажмуриваюсь, прогоняя его. Вот только даже «не увидев», мне становится холодно. Так холодно…

— Ника, — голос мужа врывается в мой разум и заставляет меня распахнуть глаза.

Наваждение резко спадает. Я стремительно возвращаюсь в реальный мир. Снова встречаюсь с карими, почти черными глазами мужчины, который однажды чуть не уничтожил меня.

Мы не виделись с Матвеем восемь лет. Восемь, а он совсем не изменился. Только возмужал. Из худощавого паренька превратился в мужчину, который, явно, знает, чего хочет от жизни. Его прищуренные, прожигающие меня насквозь глаза наполнены силой, властью и… самодовольством. Очень похоже, что Матвей ждал моего появления и… дождался. Его острые черты лица заостряются еще сильнее.

— Давно не виделись, Ника, — Матвей расправляет и без того широкие плечи, поправляя темно-синий пиджак, встает из-за стола, кажущегося одиноким в большом пространстве кабинета с черными стенами и панорамными окнами, заменяющими всю заднюю стену.

С одной стороны комнаты замечаю несколько шкафов, тянущихся высоко под потолок. Их установили в ряд, чтобы между ними не было просвета. С другой — черный кожаный диван и два кресла, которые расположили вокруг стеклянного журнального столика.

Больше в кабинете ничего нет — лаконичный минимализм.

Даже спиной чувствую напряжение Дана. Такое чувство, что он превращается в дикого медведя, который в любой момент может наброситься на соперника и разорвать его своими огромными когтями.

Возможно, это было бы как нельзя кстати, учитывая нашу с Матвеем историю.

Вот только мы не в животном мире и нужно соблюдать правила приличия. Если честно, наверное, даже к лучшему, что мы с «застройщиком» знакомы. По крайней мере, можно говорить открыто, а не юлить.

Поэтому набираю в легкие побольше воздуха и прохожу в кабинет. Колени не гнутся, мышцы натянуты до предела. Живот скручивает до такой степени, что тошнота усиливается. Но я не останавливаюсь, пока не оказываюсь с другой стороны стола, позади двух кресел, предназначенных, явно, для посетителей.

Пока между нами с Матвеем есть хоть что-то, я могу нормально дышать.

— Давно, — откликаюсь. Голос не выдает тревогу, которая прокатывается по моим венам, заставляет кожу покрыться мурашками. Это прекрасно. С хищниками нельзя быть жертвой. — Матвей, — сжимаю кулаки что есть силы.

Не позволяю воспоминаниям, которые болтаются где-то на краю сознания, выйти на передний план и стать слишком яркими.

— Я так понимаю, вы знакомы, — Дан встает рядом со мной, кладет ладонь мне на поясницу.

Я понимаю, что муж хочет меня поддержать, но мне от такого явного проявления привязанности легче не становится. Даже, наоборот — меня лишь сильнее начинает мутить.

— А я так понимаю, вы — Альтов Даниил Леонидович, — Матвей, наконец, переключается на моего мужа, давая мне возможность нормально дышать. — Приятно познакомиться, — выходит из-за стола, протягивает руку.

Сомневаюсь, что Дан хочет отходить от меня, но те же правила приличия не позволяют ему и дальше стоять на месте. Муж всего на мгновение задерживается рядом со мной, после чего направляется к Матвею. Я едва не оседаю на пол от облегчения. Хорошо, хоть за кресло передо мной успеваю схватиться.

— Мне тоже… приятно, — Дан пожимает протянутую ладонь. Похоже, слишком крепко, судя по тому, как сильно мужчина напротив стискивает челюсти. Матвей, конечно, вымахал за эти годы. Но ему не сравниться с Даном, который выше своего «соперника» на полголовы и шире в плечах. — Я муж Ники, — заявляет, словно предупреждает «мое не трожь».

Матвей лишь хмыкает.

— Садитесь, — высвобождает руку из жесткой хватки моего мужа, указывает ею на кресла с другой стороны от своего.

Сам же направляется к своему месту, не забывая проскользнуть по мне сальным взглядом. Я даже замечаю кривую ухмылку, которая расцвела на лице Матвея, прежде чем он скрывает ее под бесстрастной маской и опускается в кресло.

Он точно издевается надо мной. Другого варианта попросту нет. Это осознание заставляет вернуться в мое тело застарелую злость. Вздыхаю полной грудью, огибаю кресло, за которое держалась, сажусь в него. Пристального, надеюсь, все-таки не наполненного ненавистью взгляда от Матвея не отвожу. Краем глаза замечаю, что Дан плюхается в соседнее кресло, но не обращаю на это никакого внимания.

Сейчас важно другое.

— Почему ты хочешь уничтожить наш детский дом? — как и планировала, не юлю.

Матвей хмыкает, видимо, из-за моей прямоты. Откидывается на спинку своего кресла, ставит локти на подлокотники, переплетает пальцы в районе груди и, как ни в чем не бывало, заявляет:

— Из-за тебя, конечно, — в его глазах появляется жестокость, которую я так хорошо помню.

Глава 13

По идее, заявление Матвея должно было выбить меня из колеи, но…

— И почему я не удивлена? — расслабляюсь. Мозг словно прочищается. Прошлое остается в прошлом, возвращая всю меня в настоящее. — Не можешь забыть детские обиды? — понимаю, что дразню голодного тигра. Но в то же время не могу показать слабость. Я — не добыча, которую можно просто поймать и съесть.

Дан рядом со мной напрягается еще сильнее. Я буквально чувствую волны агрессии, исходящие от мужа. Он готовится в любой момент кинуться на мою защиту, но она мне не нужна. Я справлюсь сама.

Вон как Матвея вывела из себя. Он чуть ли подлокотники своего кресла не ломает, так сильно их стискивает.

Матвей сначала вспыхнул как спичка, а сейчас побелел и стал напоминать бездушного монстра, которым в принципе и является.

Не может быть нормальный человек настолько жестоким. Просто не может…

Матвей еще несколько мгновений прожигает меня яростным взглядом, после чего жестко усмехается.

— По-моему, ты пришла меня о чем-то просить, — он откидывается на спинку кресла, едва не вдавливает себя в нее. — В таком случае, тебе не кажется, что следует быть более… учтивой, — выплевывает последнее слово.

Надменность буквально сочится из него, заставляя меня закипать изнутри.

Да, у нас с Матвеем долгая история, наполненная неприязнью, но это не дает ему никакого права рушить жизни и без того раненых детей, которые нашли безопасное пристанище в нашем детском доме.

— Я не буду тебя ни о чем просить, — был бы на месте Матвея кто-то другой, то я, возможно, попыталась вести конструктивный диалог. Облагоразумить «застройщика». Но, сидя сейчас перед мужчиной, который чуть не уничтожил меня, четко осознаю, что лишь унижусь еще больше. — Я пришла посмотреть на того, с кем мне придется бороться. Конечно, было неожиданно увидеть тебя после стольких лет, но не скажу, что поражена до глубины души, узнав о твоей причастности к проблемам детского дома. Ты, как был злобным, мстительным мальчишкой, который считал, что ему в этой жизни можно все, таковым и остался, — в моем голосе царит спокойствие, что, наверное, бесит Матвея еще больше, учитывая, как желваки разыгрались на его щеках. — Колония, похоже, тебя совсем не изменила, — произношу последние слова и понимаю, что будет взрыв. Понимаю, поэтому задерживаю дыхание. Жду.

Мгновение. Еще одно. И…

— Ты мне жизнь испортила! — Матвей вскакивает на ноги. Дан тоже подрывается. — И похоже, даже не жалеешь об этом, — упирается руками в стол, нависает над ним, сверлит меня полным ненависти взглядом. — Какая же все-таки, сука, — выплевывает.

— Следи за языком, когда говоришь о моей жене! — рычит Дан, делая шаг вперед.

Хорошо, хоть мужчин разделяет столешница. Иначе Дан уже набросился бы на моего «обидчика». Вот только мне помощь не нужна. Его помощь не нужна. Больше не нужна…

Куда больнее было получить удар в спину от любимого мужчины, от которого я совсем не ожидала предательства, чем от человека, который год за годом планомерно портил мою жизнь, пока…

Мотаю головой.

Нет, я не собираюсь возвращаться в прошлое. Иначе оно затянет меня в такие глубины, из которых я уже один раз еле выбралась.

Горький смешок срывается с моих губ. Ирония в том, что именно Дан помог мне не застрять в той трясине, в которую меня затянул Матвей много лет назад.

И вот они мы… все трое в одной комнате. Только двое из нас не знают о том, что всех присутствующих связывает одна история.

Мда… Как может повернуться судьба.

— Я не портила тебе жизнь, — собираюсь с силами и тоже поднимаюсь. Только медленно. — Ты сам ее испортил, когда решил, что можешь взять то, что тебе не принадлежит, — горестные нотки проскальзывают в моем голосе.

— Если ты бы меня не сдала… — шипит Матвей.

— То ты стал бы еще большим подонком, чем сейчас, — парирую, хотя все внутри скручивает в тугой узел. Желудок снова начинает бунтовать — нужно было хотя бы позавтракать. А то с такими нервами и до язвы недалеко. Набираю в легкие больше воздуха. Тяжело сглатываю. Расправляю плечи, гордо приподнимаю подбородок, прежде чем равнодушно произношу: — В общем, я поняла. Ты не отступишься от своего плана уничтожить детский дом. Я же буду его защищать до последнего. Патовая ситуация, не находишь? — выгибаю бровь.

Матвей еще пару мгновений прожигает меня полным отвращения взглядом, после чего выпрямляется.

— Знаешь, ты говоришь, что это я не могу отпустить прошлое, — засовывает руки в карманы брюк, явно, чтобы выглядеть как можно более пренебрежительно. — А сама застряла в этом детском доме вместо того, чтобы строить свою жизнь дальше. И кто же из нас живет прошлым? — хмыкает.

Может, Матвей и прав. Мы чем-то похожи. Вот только об одном существенном различии он забыл — мои действия помогают людям, а не разрушают их жизни. Детям, которые живут в нашем детском доме, нужен хотя бы островок стабильности в их мире, который напоминает лезвие ножа, на которое они то и дело натыкаются.

— Рада была тебя видеть, Матвей, — грустная улыбка касается моих губ. — И очень жаль, что ты остался прежним, даже несмотря на то, что тебе действительно многого удалось добиться, — обвожу взглядом кабинет. — Думаю, скоро увидимся, — произношу спокойно и разворачиваюсь.

Вот только шага не успеваю сделать, как мне в спину прилетает злобное:

— А знаешь, ты можешь спасти свой жалкий детский домишко, — на мгновение замолкает, я же не рискую смотреть на него. Что именно мне нужно сделать тоже не спрашиваю, знаю, он сам расскажет. Ждать долго не приходится. — Приглашаю тебя на свидание, где мы закончим то, что начали, — угроза в его голосе сливается с предвкушением. Они вместе достигают глубин моей души, где я спрятала воспоминание, наполненное чистейшим ужасом.

— Чего ты ломаешься? — горячее дыхание Матвея касается моего уха, посылает дрожь отвращения по телу. — В любом случае, ты, сиротка, кроме меня, никому и никогда не будешь нужна, — он поднимает голову, заглядывает в мои наполненные слезами глаза и бездушно усмехается.

Глава 14

— Я никуда с тобой не поеду, — заявляю Дану, который перехватил меня за запястье и сейчас тащит к своему джипу, припаркованному недалеко от моей машины.

— Поедешь, — отрезает муж, усиливая хватку и, похоже, оставляя на нежной коже синяки.

Мне же ничего не остается, кроме как следовать за ним. Бесить Дана еще больше — это последнее, чего мне сейчас хочется. Он и так заведен до безобразия.

У меня еле получилось остановить Дана от того, чтобы тот бросился на Матвея.

Даже когда я встала перед мужем, он все равно пытался меня обойти, желая добраться до своего «соперника». Лишь после моих слов, что «он того не стоит», Дан застыл. Но пронзающего насквозь взгляда от Матвея не отвел. Двое пышущих злостью быков несколько долгих секунд пронзали друг друга ненавидящими взглядами, прежде чем Дан угрожающе прорычал: «скоро встретимся», — схватил меня за руку и потащил на выход из кабинета.

Я не сопротивлялась, потому что и сама хотела уйти из места, наполненного напряжением, которое давило на грудь и не давало дышать. Вот только Дан не отпустил меня ни в коридоре, ни в лифте, ни на улице, хотя я пыталась вывернуть запястье из его хватки и просила разжать пальцы.

Но мои попытки освободиться привели лишь к тому, что взбешенный муж только сильнее сжал мою руку и до сих пор не отпускает.

Мы в кратчайшие сроки достигаем его джипа. Дан без лишних слов распахивает переднюю пассажирскую дверцу и, приподняв меня, буквально запихивает внутрь.

Теряю дар речи от такой наглости. Шок расползается по телу, сковывая его, пока я наблюдаю за тем, как Дан стремительно огибает машину и запрыгивает на водительское сиденье. Очнуться получается, только когда муж заводит двигатель автомобиля. Дергаюсь к дверце, хватаюсь за ручку, слышу щелчок. Заперта.

— Открой эту чертову дверь, — рычу, поворачиваясь к Дану.

Он, естественно, не реагирует. Вместо того чтобы внять моей просьбе, до побеления в костяшках стискивает руль и выезжает с парковки. Все, что мне остается — смотреть на мужа, хлопая глазами, и пытаться понять, что происходит.

Судя по сведенным к переносице бровям, желвакам, которые играют на щеках мужа, и поджатым губам, Дан взбешен до безумия.

Не знаю, что его настолько сильно разозлило. Возможно то, что меня пригласил на свидание другой мужчина. А, может быть, то, что встреча прошла, мягко говоря, так себе. Или, вероятнее всего, все вместе взятое. Но Дан точно в ярости.

Хорошо, хоть скоростной режим не превышает.

Годы жизни с этим мужчиной научили меня тому, что в таком состоянии с ним разговаривать бессмысленно. Поэтому обреченно вздыхаю, пристегиваюсь и откидываюсь на спинку сидения. Из-за покачивания автомобиля и сладковатого запаха ароматизатора, висящего на зеркале заднего вида, меня начинает укачивать. Вдобавок, я ничего не ела со вчерашнего дня. Наверное, поэтому холодный пот выступает на лбу, а желудок сжимается в болезненном спазме. Так и до голодного обморока недалеко.

Прикрываю глаза, стараюсь глубоко вдыхать и медленно выдыхать, чтобы хоть как-то контролировать свое состояние.

Вроде бы даже получается прийти в относительную норму, когда до меня доносится приглушенный рев мужа:

— Кто этот мужик?

Невольно распахиваю глаза. Не отрываясь от подголовника, поворачиваю голову, смотрю на профиль мужа.

— Неважно, — выдыхаю тяжело, сглатывая.

— Я спросил, кто этот мужик, — чеканит каждое слово Дан, не отрывая пристального взгляда от дороги.

— А я сказала, неважно, — мой голос звучит слабо, горечь оседает на языке.

Муж шумно выдыхает.

— Ника, не зли меня еще больше, — рычащие нотки наполняют его слова. Дан так сильно стискивает руль, что до меня доносится скрип.

Страх холодной волной проносится по позвоночнику. Не из-за того, что муж зол. Каким бы Дан ни был предателем, он никогда и ничего не сделает. Я в этом уверена. Вот только муж за рулем, маневрирует среди других автомобилей. Для «полного счастья» мне не хватает только в аварию попасть. Поэтому решаю пойти на небольшую уступку.

— Парень, с которым мы вместе росли в детском доме. Этого достаточно? — мелкая дрожь сотрясает тело, желудок недовольно бурлит.

— Нет, — отрезает муж. — Как ты испортила ему жизнь?

Стоит Дану затронуть эту тему, как страшные воспоминания вспыхивают перед глазами. С силой зажмуриваюсь, чтобы хоть как-то избавиться от них. Не получается. Словно наяву слышу, что никому, кроме него, не буду нужна… чувствую грубые пальцы, сжимающие мои запястья и подбородок… ощущаю зловонное дыхание, жаром обдувающее мое лицо.

Из-за этого меня только сильнее начинает мутить. Приходится сделать глубокий вдох, лишь бы хоть как-то привести себя в норму.

— Это неважно. Не переживай, я сама разберусь, — кое-как выдавливаю из себя.

А следом до меня доносится саркастический смешок.

— Как в кабинете разобралась? — жестко спрашивает муж. — Я позволил тебе самой вести переговоры с этим придурком. И чем это закончилось?

— Позволил? — возмущение пробивается даже через плохое самочувствие. — По-моему, я тебя не просила вмешиваться в дела детского дома, — пытаюсь вложить в голос остатки сил, но из-за бунтующего желудка то и дело перехватывает дыхание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.